

УДК 811.111'37

Будняк Д.В.
(Кельце, Польща)

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН

Стаття присвячена розгляду національної самосвідомості, яка формується не тільки за логікою накопичення та відбору інформації загалом, яка передається з покоління в покоління; але передовсім інформації, яка є культурною спадщиною цього народу і яка найбільш співзвучна сучасному національному настрою, національним духовним запитам. Без чітко визначеної національної самосвідомості національна культура загалом неможлива, бо вона – категорія не тільки етнічна, а й етносоціальна.

Ключові слова: етнічні категорії, ядро, формування особистих смислів, національна самосвідомість, національна культура.

Статья посвящена рассмотрению проблемы интеллекта нации, метафорически синонимизированного с «пружиной прогресса», является сложным комплексом исследованной беспрерывной эволюции homo sapiens, формы сознания и онтологически заданных параметров бытия, формирующихся в антропологических ориентированных множественных теориях познания. Так, лингвистическая проблематика перекрещивается с эволюционными измерением бытия, что послужило толчком к развитию целого ряда исследований эволюции как процесса концентрации сознания.

Ключевые слова: орудие познания мира, призма национальной культуры, национальный менталитет, славянская духовная культура, мировидение, мирочувствование, мирозерцание.

The article deals with the functioning and role of lexical-semantic group of verbs of related languages. Semantic structure of the text were also taken into consideration and the analysis of their functioning in the area of Russian, Polish and Ukrainian languages has been done. Correlation of the function of the predicate and the meaning of the sentence when introducing the new word into the structure was shown. Relationships occurring between „reality – meaning – text” are universal for each text.

Key words: association, spatial orientation, the realization of content, expression, syntactic functions of the verb, lexical-semantic group.

Славянський культурно-бытовой набір конструюється, прежде всего, на основании археологических данных, а также в какой-то степени с использованием этнографических и исторических материалов. Язык, которым пользовались древние славяне, восстанавливается лингвистикой при наличии письменных памятников, как собственно славянских,

так и иноязычных. Наконец, общее самосознание, которое относится к числу *важнейших характеристик этноса*, непосредственно связано с существованием общего *самосознания*. Его история может быть прослежена на основе изучения свидетельств древних авторов, зафиксированных в письменных источниках.

Говоря кратко о комплексном исследовании проблем этногенеза славян, укажем, что одной из его задач является квалифицированно противостоять (порой не очень квалифицированным) искушениям рассматривать славянский (праславянский) почти исключительно как мишень для культурных и языковых влияний. Мир как бы преобразуется языковой личностью в индивидуальную картину мира, которая включает в себя не только отражённые объекты, но и позицию окружающего, его отношение к этим объектам. Человек отражает мир сквозь призму своей национальной культуры. Сам феномен, называемый картиной мира, возникает вместе с формированием говорящего человека. Формирование картины мира невозможно без языка. Картина мира в общественном и социальном сознании формируется и фиксируется с помощью языка, ибо язык – орудие познания мира, с помощью которого фиксируются результаты этого познания. Язык – главный материал для определения того, как отражается картина мира в сознании языковой личности. Следовательно, язык, являясь носителем социальной памяти человечества, всей суммы его знаний, помогает строить модель мира, картину мира, но это не есть языковая картина мира. Культура, выражающая большую степень национального самосознания, породила патриотические настроения у соседей, активизировала процессы, связанные с возникновением новых национальных культур. Реконструкция древней славянской духовной культуры, её системы и инвентаря существенна и сама по себе для расширения наших исторических познаний, направленных вглубь веков, и как система отсчёта, как «исходная модель» при изучении истории славянской духовной культуры. К примеру, когда В. Пропп [1:14] решал вопрос о происхождении отдельных фольклорных жанров, в частности волшебной сказки, он указывал на обрядовые корни, обрядовую основу этого жанра, но считал, что изучение обрядов, и их происхождения – дело не фольклориста, а этнографа. Как бы то ни было, но без установления исходной основы, пусть даже весьма гипотетической и достаточно абстрактной, трудно систематизировать и организовать материал, демонстрирующий историю и раннее развитие славянской духовной культуры. Находясь на стыках нескольких наук – этнолингвистики, психологической антропологии (этнопсихологии), социологии – лингвистическая аксиология обращена к изучению системы ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре.

Имея своей целью реконструкцию системы ценностей как одной из составляющих **этнических и культурных традиций**, лингвистическая аксиология вписывается, как представляется, в круг проблем, решаемых этнолингвистикой – проблем **языка и этноса, языка и культуры, языка и национального менталитета**. Изучение **системы ценностей этноса** как глубинных, личностных, так и идеологизированных, общественных даёт возможность выявить своеобразие в его **мировидении, мирочувствовании, мирозерцании**.

В связи с этим чрезвычайно важное значение приобретает изучение психологии восприятия среды, поскольку «восприятие и осознание человека и мира оказывается производным от культурно-исторического бытия человека»[2:14] Описание и анализ языковой модели, репрезентирующей это восприятие, даёт возможность «погрузиться» в мир ценностей того или иного народа. Существенная тесная эмоционально-когнитивная связь

этноса с природой, со средой его обитания открывает широкие перспективы в изучении этнического мировидения через взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов.

Как показали исследования социальных географов, одними из первых обративших внимание на связь психологии восприятия среды с культурной принадлежностью этноса, «поверхность земли видится каждой личностью исключительно через призму своей культуры». [3:] Поэтому в каждом языке предстаёт своя «субъективная реальность» как результат процесса объективизации идей, образов, реалий в их этнокультурном своеобразии.

Итак, на вопрос, «кто такие древние славяне», уверенный ответ знали, наверное, только сами славяне. Однозначная самоидентификация, необходимая для того, чтобы констатировать существование особого этноса, акцентировала – аналогично тому, что известно об этом у других этносов, – их взаимную родственную связь между собой как ‘своих’, людей ‘своего рода’, одной ‘свободы’. И так было задолго до формирования их макроэтнонима классического вида – **славяне, slovene**, который лишь закодировал предшествующую тысячелетнюю норму их самоидентификации, будучи этимологически обозначением ‘понятно говорящих’ (*slova, *sluti), то есть тоже – ‘своих’. [4:166] Сведения этимологии тут драгоценны, знания древних славян о себе очень важны для нас, хотя априори ясно, что это их знание было неполным и наивным. Мы сейчас знаем несравненно больше, но нам порой так не хватает этих крупниц знания древних славян о себе, мы с таким трудом добираемся до этих крупниц угла наших современных научных построений, что говорит о непреходящей ценности наивного знания (франц. naïf ‘наивный’ – от лат. *nativus* ‘природный’ ...). Ломнянский склоняется к тому, что вплоть до эпохи переселения народов (V в. н.э.) славяне не знали ни храмов, ни изображений богов (с. 166), первоначально – только культовые места под открытым небом (с. 229). Вообще политеизация (введение многобожия) у славян акт вторичный, обязанный своим появлением конфронтации с христианством, как, например, в Полабье (с. 204), позднее – в Польше (с. 210). Долголетний опыт исследований приводит к убеждению, что надо стремиться преодолевать монографизм темы и, наоборот, всячески развивать то, что можно обозначать как полигональность исследования., то есть действовать примерно так, как советовал добрый советчик – создатель «науки о хорошей работе» – праксиологии – польский академик Тадеуш Котарбинский: не взирая на предмет всё время из одного и того же окна, а вглядываться в него каждый раз из нового окна...

Этимология всегда стремится к реконструкции того, „jak słowo się czyta w sobie samem?” [5] как сказал поэт.

Критические, переломные, рубежные точки можно выделить не только в годичном круге (солнцестояния и равноденствия) или сутках (утренняя и вечерняя заря, полдень и полночь), но и в человеческой жизни. Таких основных точек для мифологического мышления три: рождение, свадьба и смерть. Впрочем, рождение ребенка, как и крестины, не было сопряжено с масштабными, шумными празднествами. Зато ему сопутствовала целая серия характерных обрядов. Мы только бегло перечислим их группы, следуя разделению, предложенному в свое время Д.К. Зелениным. Первая группа – обряды и обычаи, предшествовавшие родам и связанные с ними. Они прежде всего исходят из общего для традиционных культур представления о нечистоте беременной женщины. На нее налагались определенные ограничения, но, с другой стороны, она пользовалась всеобщим

уважением, исполнялись все ее желания, даже прихоти (скорее, впрочем, из-за дурных последствий, которые, по поверьям, могли наступить для неисполнившего). Представления о ритуальной нечистоте роженицы и новорожденного вполне понятны: рождение не только является целью и высшим проявлением женского начала (и так связанного в традиционной модели мира с нижним, негативным, нечистым), но и представляется как переход из невидимого состояния в видимое, из не-общественного (асоциального) – в общественное (социальное). Новорожденный по внешним биологическим признакам куда больше напоминает животное, чем человека, и нуждается в “социализации”: воспитании, обучении, ритуальных испытаниях, которые только и делают его членом общины, коллектива. По признакам же магическим он весьма близок к мертвецу. В начале жизни, в первые ее дни он представляет собой типичного “агента мира иного”, сотворенного порождающей силой последнего и только что явившегося из небытия. Ясно, что отношение к нему должно быть несколько настороженным. Таким, кстати, было оно и к покойнику: труп представлялся нечистым. “Омывали и наряжали его обычно родственники и соседи, а чаще особые смывальщики – дедушка-умывальщик, не имеющий “греха”, или старая дева, черничка. Все соприкасавшееся с трупом удалялось от жилья. Для смывания употреблялась специальная посуда, чаще глиняная, которую выбрасывали в овраг или яму за село, иногда разбивали. Места, где ее бросали, считались страшными. После похорон избу мыли (“вымывали смерть из избы”) и окуривали помещение ладаном”. Вернувшись с кладбища, мыли руки, причем не входя в дом. Все это – типичные обряды очищения, и многие из них сохранились до сего дня даже в городской среде.

Кстати, обряд омовения совершался и с младенцем, и с невестой. Смысл его – “смыть” прежнее состояние (нерожденности, девичества, жизни), подготовить человека к переходу в новое качество (из “природного” в “культурное” или – а случае покойника – наоборот). Вообще родильная и погребальная обрядность в существенных чертах весьма сходны и как бы “симметричны”: во время похоронных ритуалов над умершим совершаются действия, по назначению аналогичные обрядовым действиям с новорожденным, но с обратным эффектом и в обратном порядке; свадьба в равной мере несет представления о рождении и смерти. Добавим, что, по наблюдениям исследователя А. К. Байбурина, обрядность при строительстве нового дома аналогична родильной – дом, человек и мир мыслились устроенными по одному принципу, – а календарные обряды, связанные с обновлением “старого” времени, вполне соответствуют погребальным ритуалам.

Славяне отделились от индоевропейского языкового массива во II тысячелетии до нашей эры. Их верования уходят корнями в воззрения древних индоевропейцев, благодаря чему во взглядах древних славян мы находим множество общих черт с мифологическими системами Индии, древних германцев, кельтов, греков и римлян. Язычество древних славян просуществовало до X века, когда в 988 году князь Владимир Святославич принял решение о крещении своей земли. Однако и после этого многие черты народной мифологии сохранялись в обрядах, поверьях, сказках, загадках и других произведениях народного творчества.

За это время их воззрения претерпели существенные изменения. По мнению наиболее выдающегося исследователя славянского язычества, академика Б.А. Рыбакова, последующие взгляды, сюжеты и мифы не стирали предыдущие, а наслаивались на них и продолжали сосуществовать с ними. Таким образом, даже в эпоху наиболее развитых

мифологических представлений в народном сознании сохранялась память о самых архаических пластах верований своих предков.

Этнопсихологические черты народа находятся в тесном взаимодействии с его культурой и историей. Закономерность формирования и развития национальных черт характера происходило на различных этапах эволюции, как и его национального самосознания. «У каждого народа есть свой особый духовный внутренний мир, отражающий его социальные, географические, этнические, языковые и другие особенности, – писал В.Д. Попов [6]. – Душа народа – это его общественная психология, то есть включающая такие всеобщие обоснования душевной жизни каждого человека, которые формируют его национальный характер, традиции, обычаи, нравы, привычки. И раскрыть характер народа, по мнению И.С. Кона, – означает, раскрыть его наиболее значимые социально-психологические черты. Взятые в отдельности, они не являются и не могут быть абсолютно уникальными. Уникальна структура характерологических особенностей нации, а все, входящие в эту структуру элементы, являются общими. Структуру национального самосознания С.М. Арутюнян представил как единство осознания национальной принадлежности, приверженности к национальным ценностям, стремление к государственной самостоятельности. Определяя содержание и структуру национального самосознания, Ю.В. Бромлей писал: «Этническое самосознание этноопределенных элементов материальной, социальной, духовной культуры формируется в конкретной социально-этнической среде». [7:126]

З.Кадиев и Н. Гасанов писали, что человек является по своей национальности тем, кем он себя чувствует [8]. И совершенно не важно, утверждали они, от кого он родился и какие внешние черты унаследовал. Украинец, сформированный в русской, белорусской или эстонской среде, в действительности является русским, белорусом или эстонцем. И наоборот, человек, в силу обстоятельств сменивший этническую среду и ассимилировавшийся в ней, фактически меняет свою национальность.

В последние годы философы, социологи и этнопсихологи уделяют большое внимание определению национального характера, национальной психологии, национальному самосознанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград, 1946. – С. 14. [1] с.
2. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – Москва, 1988. – С. 14.[2]
3. Lowenthal L. D. Geography experience and imagination: toward a geographical epistemology// Annals, Association of Americ in Geography, 1961[3] с.
4. Łomniński H. Religia Słowian i jej upadek (w. VI-XII). – Warszawa, 19797 – С. 166[4] с.
5. Norwid, Cyprian Kamil Born Sept. 24, 1821, in Las-kowo-Gluchy, near Warsaw; died May 23, 1883 [5] с.
6. Попов В.Д. Социальный психоанализ в России: Проблемы и перспективы. Что такое социальный психоанализ? – М., 1997.- 75 с. [6] с,
7. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. – Москва, 1981. -С. 126 [7] с.
8. Ф. С. Эфендиев. Этнокультура и национальное самосознание Основные факторы формирования и развития национального самосознания. – Санкт – Петербург, 1955. – С. 27. [8] с.